

Ци Цзюньчжо занимал особое место в сердце императора, и в этом вопросе император выражался ясно и без обиняков. Ему было безразлично, что думали придворные чиновники, он просто открыто и прямо своими действиями показывал всем, что Великий князь Цзинь заслужил его благосклонность.

Ци Цзюньчжо был тем, кого император откровенно и явно благоволил, тогда как он сам был лишь фигурой, которую император использовал для отвлечения внимания.

Подумав об этом, он не мог не почувствовать, что его судьба действительно немного печальна, и это заслуживало некоторой скорби.

Выражение лица Шэнь Няня было полным горечи, объективно отражая образ глубоко обиженной женщины. Ци Цзюньму, который как раз завязывал нефритовый пояс на своей одежде, увидев его вид, невольно почувствовал укол в сердце.

Затем его рука ослабла, и нефрит, ставший тяжелым, как камень, выскользнул из руки и чуть не упал на землю.

Перед тем как он упал, не очень нежная рука уверенно поймала нефрит.

Ци Цзюньму опустил взгляд и увидел, что Шэнь Нянь полуприсел, опираясь на одну ногу, а в правой руке держал нефритовую подвеску. Руки Шэнь Няня не были такими утонченными и белыми, как у столичной знати, и были гораздо грубее, чем у императора.

Но именно эти не очень сильные руки, покрытые множеством мелких шрамов, пролили немало крови. Они твердо защищали Северные рубежи, оберегали земли Великой Ци и сохраняли безопасность её народа.

Ци Цзюньму испытывал глубокое уважение к тем, кто защищал границы. Даже в прошлой жизни, когда Шэнь Нянь неоднократно нарушал императорские указы, он, только что взойдя на трон, был полон гордости и считал, что Шэнь Нянь, пользуясь своими заслугами, не считался с ним.

Но даже в такой ситуации он не испытывал желания убить Шэнь Няня, просто с самого начала исключил его из числа доверенных лиц.

В этой жизни Ци Цзюньму многое понял и решил, что пока Шэнь Нянь не замышляет измены, он не будет ему вредить. Это было его искреннее убеждение, но говорить об этом было бессмысленно.

Доверие — вещь тонкая, особенно между императором и генералом, обладающим большой властью.

Они доверяли друг другу и в то же время остерегались друг друга. Ци Цзюньму, переживший смерть и знавший свои прошлые ошибки, смог отпустить это, и для Шэнь Няня было естественно быть подозрительным и осторожным.

Доверял ли Шэнь Нянь ему или нет, главное, чтобы он не поддавался чужому влиянию и не предал, и тогда всё будет в порядке.

Пока Ци Цзюньму отвлекся, настроение Шэнь Няня тоже было довольно сложным. Его поза была похожа на поклон императору, но явно не была им — нечто среднее. Он планировал передать нефрит императору и сказать несколько формальных слов.

Но, случайно взглянув на выражение лица Ци Цзюньму, он замедлил свои движения.

Эта задержка сделала передачу нефрита несколько неловкой, создав впечатление, будто он хотел отдать его, но передумал. То, что беспокоило Шэнь Няня, было выражение лица императора: его глаза были мягкими и даже с оттенком снисходительности.

В этот момент Шэнь Нянь почувствовал, что эти эмоции в глазах императора были направлены на него.

Без всякой причины он просто так почувствовал.

Шэнь Нянь не знал, что вызвало такую реакцию у Ци Цзюньму, но он понимал, что это тонкое и хорошее изменение. Если император снисходительно относился к своему подданному, это означало, что он был мягок к этому человеку.

Более глубокий смысл заключался в том, что его жизнь была в безопасности, и ничего не могло быть более радостным, чем это.

Конечно, даже такое большое счастье не могло полностью разрядить немного напряжённую атмосферу между Шэнь Нянем и императором.

Ци Цзюньму медленно пришел в себя и уже собирался что-то сказать, как Шэнь Нянь тоже сделал движение.

Шэнь Нянь просто продолжил движение и сказал:

— Ваше Величество, здесь никого нет, позвольте мне надеть его на вас.

Ци Цзюньму на этот раз не планировал брать с собой других из дворца, и Жуань Цицин уже давно был отправлен прочь.

В огромном Чертоге Цяньхуа сейчас были только они двое, и после этих дней наблюдений Шэнь Нянь понял, что император, кроме Жуань Цицина, не любит приказывать другим.

Ци Цзюньму не ожидал, что Шэнь Нянь скажет это. Он собирался попросить его встать, но теперь, услышав эти слова, немного опешил.

Увидев, что Шэнь Нянь собирается завязать нефрит в этой неудобной позе, Ци Цзюньму невольно улыбнулся, наклонился, протянул руку и слегка потянул Шэнь Няня вверх, легко сказав:

— Это всего лишь завязать одну вещь. Встань и завяжи.

Шэнь Нянь поднялся, следуя движению, и, когда император отпустил его руку, опустил глаза. Его руки, убивавшие, но никогда не делавшие такой работы, не очень ловко завязали нефрит на левой стороне пояса императора.

Нефрит был гладким и красиво свисал, выглядел великолепно.

Закончив, Шэнь Нянь с удовлетворением кивнул.

Он поднял глаза, собираясь что-то сказать, но его взгляд встретился с взглядом Ци Цзюньму, и слова застряли в горле.

Шэнь Нянь только сейчас понял, что он был слишком близко к императору. На таком расстоянии он мог видеть длинные и естественно загнутые ресницы Ци Цзюньму, слышать его легкое дыхание и даже чувствовать теплое дыхание, касающееся его лица.

Шэнь Нянь смотрел на изысканное лицо Ци Цзюньму, моргал, моргал, чувствуя себя растерянным.

В конце концов он отступил на шаг, преодолевая напряжение и онемение, и сказал:

— Ваше Величество, простите за мою дерзость.

Быть так близко к императору, даже если кто-то напишет донос о неподобающем поведении, это вполне нормально.

Он отступил, и Ци Цзюньму, как ни в чем не бывало, сделал два шага в сторону. Видя смущение Шэнь Няня, он сказал:

— Ничего.

Чтобы разрядить обстановку, он добавил:

— О чём ты думал раньше? Почему выглядел таким подавленным? Совсем не похоже на генерала Шэнь Няня, который внушает страх на Северных рубежах.

Ци Цзюньму обычно обращался к Шэнь Няню как к «Шэнь Цин» или «Маркизу — усмирителю Севера», это был первый раз, когда он произнес полное имя Шэнь Няня.

Голос императора был приятным, и когда он произносил чье-то имя, это звучало особенно хорошо.

Шэнь Нянь с каменным лицом подумал, что если бы Ци Цзюньму не был императором, он бы обязательно нашел возможность выпить с ним, обняться за плечи и называть друг друга братьями, как на Северных рубежах.

К сожалению, Ци Цзюньму был императором, и такая сцена вряд ли произойдёт.

Шэнь Нянь думал об этом, но не мог не ответить.

Он знал, что император говорил о том, что произошло до падения нефрита. О чем он тогда думал? Ах да, он думал о том, кто из них, он или Ци Цзюньчжо, действительно был любимчиком, а кто нет.

Конечно, он не мог сказать это прямо. Шэнь Нянь быстро подумал и сказал:

— Ваш слуга размышлял о столичных слухах, что вы, Ваше Величество, очень доверяете Великому князю Цзиню. Я думал, раз вы так поступаете, не боитесь ли вы, что это может навредить Великому князю Цзиню?

Эти слова многое подразумевали.

Без причины упомянуть Великого князя Цзиня в этот момент могло означать только одно: он связал выход императора из дворца с Ци Цзюньчжо. Шэнь Нянь дал понять императору, что он предполагает связь между выходом императора и Ци Цзюньчжо.

Кроме того, его подавленный и горький вид из-за доверия к Великому князю Цзиню был проблемой. О чем он горевал? Конечно, он думал о себе.

Шэнь Нянь изначально не хотел говорить это, но ему было искренне любопытно, и он был уверен, что все чиновники при дворе задавались этим вопросом.

Быть любимцем императора, особенно если он князь, могло привести к большим проблемам, так что это доверие было настоящим или фальшивым? Кто-то мог подумать, что это ложь, но Шэнь Нянь считал, что это было правдой.

Но что, если однажды Ци Цзюньчжо будет оклеветан, что сделает император? Обычные люди не осмелились бы задать этот вопрос, но сейчас был подходящий момент, и атмосфера была подходящей, поэтому Шэнь Нянь решил спросить.

Ци Цзюньму понял, что имел в виду Шэнь Нянь, улыбнулся, сложил руки за спину, слегка поднял подбородок. Его лицо стало особенно гордым, и он сказал:

— А Чжо — мой брат. Я доверяю ему и хочу дать ему всё лучшее. Что бы ни пытались сделать другие, чтобы навредить ему, я хочу показать всему миру, что лучше угождать ему. А если кто-то доставит ему неприятности, я доставлю неприятности ему.

— Если прожить жизнь и не иметь возможности открыто показать, кого любишь, а кого нет — разве это не напрасно? Мне всё равно, что думают другие. Я думаю так, мне нравится так поступать, и они могут только смотреть.

Император редко говорил откровенно, и если бы это услышал кто-то другой, он бы решил, что император не должен так говорить — это слишком своевольно. Но Шэнь Нянь считал, что Ци Цзюньму был достаточно своеобразным, и ему нравился этот характер.

Он снова вздохнул в душе. Этот человек был императором, иначе они бы точно стали близкими друзьями.

Шэнь Нянь поклонился и сказал:

— Ваше Величество, доверие к Великому князю Цзиню, безусловно, не будет обмануто.

Хорошие слова нравятся всем, и Ци Цзюньму одарил его одобрительным взглядом.

@@@

В этот раз императору было легко покинуть дворец, и это было в основном благодаря Шэнь Няню.

Дворцовые стражи, возможно, не узнали бы императора, но Шэнь Няня они узнали бы точно.

<http://bllate.org/book/16626/1522306>